

ИСТИНА, ПРАКТИКА И ИСТОРИЗМ

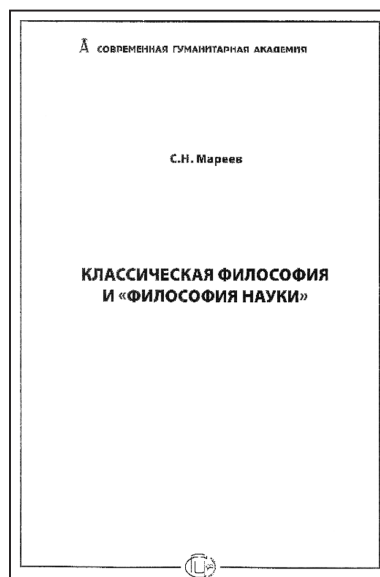
(Рецензия на книгу: С.Н. Мареев. Классическая философия и «философия науки». М. : Изд-во СГУ, 2009. 321 с.)

С.Н. БЫЧКОВ

Философия науки вышла в преподавании на первый план, потеснив классические разделы философии. Кавычки в названии книги отражают позицию автора: подобная замена связана со значительными потерями, которые могут и не компенсироваться возможными приобретениями.

Первая глава «Наука о науке» начинается параграфом «Начало и конец “философии науки”». «Идея “философии науки”, – пишет автор, – рождается не в русле классической философии, а в основном у естествоиспытателей, далеких от проблематики классической философии, но испытывающих тягу к общим вопросам науки» (С. 5). И хотя основоположника позитивизма О. Конта едва ли можно причислить к естествоиспытателям, для него, утверждает С.Н. Мареев, «наука – сама себе философия» (С. 8). В отличие от И. Канта, интересовавшегося вопросом «Как возможна наука?», философию науки интересует существование науки

лишь в ее внешних проявлениях (С. 11). О конце же философии науки правомерно говорить потому, что она, согласно авторитетному мнению А.Л. Никифорова, переживает кризис, который пока не видно как можно преодолеть (С. 21).

Основной недостаток «философии науки» С.Н. Мареев видит в том, что «она изолировала... науку от практики» (С. 81). Последнее, как показывает автор, осознавалось уже Ф. Бэконом. Осознание им роли эксперимента как средства перехода от эмпирического к теоретическому было утрачено впоследствии в английском эмпиризме (С. 86): «Если мы абстрагируемся от эксперимента, как это произошло в “философии науки”, то... окажемся перед дилеммой индукции и дедукции, которая оказывается неразрешимой проблемой...» (С. 88).

Другим изъяном философии науки является отсутствие каких-либо идей относительно способа, которым познание может переходить от чувственного к рациональному, от явления к сущности. Кант попытался найти исток этой способности в своем учении о схематизме воображения, в то время как философия науки «к этому даже близко не подошла» (С. 92).

Во второй главе «Диалектика и “философия науки” о научном познании» проблемы, традиционно рассматриваемые в рамках философии науки, анализируются с позиций классической философии, диалектики абстрактного и конкретного. Рассматриваются роль противоречий в развитии научного знания, системный характер построения науки, демонстрируется значение диалектики как логики научного творчества.

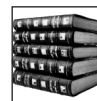
Третья глава «Проблема числа и “парадокс” теории множеств» представляет собой применение общих положений второй главы к конкретным проблемам научного знания, главным образом – математики. В частности, демонстрируется про-

тивоположность подходов диалектики и формальной логики к разрешению открытого Расселом парадокса в основаниях теории множеств.

В заключительной четвертой главе «Историзм в научном познании» автор раскрывает существенное различие в понимании исторического аспекта знания классической философией и философией науки. «Позитивизм ищет в истории только *подтверждения* своих идей... История должна не *подтверждать* предвзятую идею, а *порождать* эту идею с *необходимостью*» (С. 262).

Больше всех из ведущих специалистов в области философии науки ценил исторический момент познания, как известно, И. Лакатос. «Лакатос при помощи истории науки фальсифицирует попперовский фальсификационизм и справедливо показывает, что фактически все обстояло намного сложнее. Но это как раз и говорит о том, что логика развития науки не только поверяется историей, но сама история раскрывает нам логику развития науки. Здесь, как и вообще, история первична, а логика только вторична, иначе мы приходим к худшему у Гегеля, у которого в основе истории в конечном счете лежит Логика» (С. 276).

«Чтобы объяснять что-то при помощи истории, надо прежде объяснить саму историю... Историзм состоит прежде всего в том, что история что-то объясняет. История не уместается ни в какие рамки “рациональности”, выработанной “философией науки”. “Философия науки” – это методология естествознания. А история есть принципиально отличная от природы реальность, и метод должен быть *адекватен* этой реальности. Но если ис-

тория не уместается в рамки узкой естественно-научной рациональности, то это не значит, что она “иррациональна”. История не может быть объяснена из природы. Скорее наоборот: история, поскольку она включает в себя историю естествознания и промышленности, объясняет природу. А что же объясняет историю? Что выше истории, если мы не признаем Бога и божественный промысел в истории, как это было у Гегеля? Историю объясняет только сама история! Она есть “последний страшный суд” для всего, что в ней появляется. И приговор ее окончательный и обжалованию не подлежит» (С. 295). Здесь, на наш взгляд, содержится квинтэссенция позиции автора, обоснованию которой и посвящена рецензируемая работа. На этом можно завершить по необходимости краткий обзор содержания книги, поскольку главное в подобного рода работах не то, *что* заявлено, а то, *как* замысел автора реализован в деталях. Для знакомства же с деталями надо, естественно, читать саму работу.

Переходя к критической части рецензии, следует учесть, что оценка содержания книги со стороны специалиста существенно зависит от того, разделяет ли тот ценностные установки автора или же относится к ним негативным образом.

Критические замечания со стороны «первого читателя» могут носить лишь «имманентный» характер, т.е. указывать на недостатки аргументации автора при условии согласия с ее общей методологической основой. Первое замечание такого рода относится к проводимой на с. 149 аналогии между метаморфозами товара в знаменитой марксовской формуле $T - D - T$ и ме-

таморфозами логической формы «Если А, то В» в рамках закона обратной контрапозиции.

В первом случае на вырученные от осенней продажи яблок деньги можно весной купить яблоки того же сорта у торговца, способного в отличие от вас обеспечить зимой сохранность их вкусовых качеств. Во втором случае «тех же яблок» не получится. При переходе от выражающей физическую связь формы «Если А, то В» к получающейся по закону контрапозиции форме «Если не-В, то не-А», как справедливо замечает С.Н. Мареев, мы теряем «реалистический» компонент суждения: на место причинной связи ставится «*формально-логическая* зависимость» (Там же). В первом случае форма «Если..., то...» отражает и реальную связь, и связь между истинностными значениями антецедента и консеквента. Во втором случае сохраняется только связь между истинностными значениями. Ясно, что при повторном применении закона контрапозиции (вместе со снятием двойного отрицания) «реалистическому» компоненту просто неоткуда взяться. Яблоки, иными словами, снова уже не купишь...

Значительный интерес представляет проведенная в пятом параграфе третьей главы «Число как эквивалент и противоречие эквивалентной и относительной формы стоимости» аналогия между денежной формой стоимости и натуральным рядом чисел: «Деньги – это не просто всеобщий эквивалент стоимости, который выражает стоимость любого другого товара, – они выражают *стоимость самих себя*...»

С “натуральным” рядом чисел происходит то же самое, что про-

исходит с деньгами как универсальной мерой стоимости: деньги в отличие от прочих товаров находятся одновременно и в эквивалентной и в относительной форме стоимости, они являются эквивалентом всех других товаров и эквивалентом самих себя, имея собственный масштаб стоимости в виде весовых единиц золота. Там, где деньги становятся бумажными деньгами, т.е. *денежными знаками*, они полностью отделяют этот масштаб от себя в виде их *золотого содержания*. Число, так же как и деньги, может считать само себя. Только деньги мы считаем при помощи числа, а число мы считаем при помощи его же самого. Что считает, например, ребенок, который научился “считать”? Он просто произносит: “Один, два, три, четыре, пять, шесть...” Он считает сами числа. И число здесь выступает и как считаемое, и как считающее» (С. 225–226).

Правда, отмечает автор, аналогия здесь неполная: «Особенность золота заключается в том, что оно однородно и делимо без того, чтобы уничтожалась его потребительная стоимость. Натуральный ряд тоже “однороден”, т.е. во всех своих частях одинаков и дискретен. Но... к числу особенностей натурального ряда кроме того, что он “однороден” и дискретен, прибавляется еще и такая особенность, как... бесконечность» (С. 226).

Число возникает в практике освоения количественной стороны мира, прежде всего в процессе деятельности счета. «Поэтому число, как результат такого рода процесса, несет на себе печать этого процесса. Оно в виде натурального ряда имеет двойную детерминацию: со стороны реальных множеств,

которые всегда конечны, и со стороны деятельности счета, которая заставляет постоянно выходить за рамки любого конечного реального множества. Этим самым сразу развешиваются, с одной стороны, идеалистические иллюзии, основанные на том, что числа обладают такими свойствами, которые не заключены непосредственно в реальных множествах, и предшествуют им, как это было у пифагорейцев, а с другой стороны, наивно-натуралистические представления, согласно которым число есть всего лишь аналог-заместитель реального множества вещей» (С. 227).

Но откуда в предметно-практической деятельности может возникнуть потребность выхода «за рамки любого конечного реального множества»? Несколько далее, в седьмом параграфе той же главы «Идеальность числа и философский идеализм» объяснение подобной потребности ищется в том, что в отличие от камешков и зарубок на палочке число как таковое единственно только и может рассматриваться «как *универсальное орудие счета*» (С. 249).

С тем, что элементы натурального ряда чисел более универсальным образом позволяют выражать количественную сторону действительности, спорить не приходится. Но достаточно ли данного обстоятельства для того, чтобы чувственно-предметная практика с необходимостью порождала неограниченно продолжаемый ряд чисел? Обращение к истории науки показывает, что реальная ситуация выглядит более сложной, нежели может представиться с точки зрения предлагаемого объяснения: ни в одной из восточных цивилизаций математика не смогла самостоя-

тельно выработать представление о потенциально бесконечном ряде целых величин. И поскольку история есть «последний страшный суд», ясно, что авторская концепция происхождения натурального ряда чисел требует совершенствования.

«Вторым читателем» может быть выдвинуто большее число возражений. Приведем лишь наиболее «явные».

Принадлежащая Марксу характеристика эллипса как формы движения, в которой «одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего» (С. 110), способна вызвать недоумение у математика, убежденного в том, что удаление Земли от Солнца имеет место лишь на части траектории, в то время как на другой части Земля, падая, приближается к Солнцу. Ясно, что Маркс имел в виду нечто другое, но это «другое» для неискушенного в философии математика останется покрытым тайной без дополнительных разъяснений.

Далее, вряд ли физик согласится, что в системе уравнений Максвелла «одно уравнение вытекает из другого» (С. 129), хотя взаимосвязь их, конечно, он отрицать не будет.

На с. 144 попытка Д. Гильберта формализовать геометрию Евклида сначала названа неудавшейся, но несколькими строками ниже говорится, что в 1899 г. он «предложил строго аксиоматическое построение геометрии Евклида» и что «этот успешный результат вдохновил Гильберта и он поставил перед собой задачу формализации всей математики». Это допустимо в рамках проводимого С.Н. Мареевым противопоставления аксиоматизации и формализации (последняя предполагает ак-

сиоматическое задание также правил логического вывода), но и даже в рамках подобного различения геометрия занимает особое положение. Вопреки утверждениям о том, что «система отношений в геометрии оказалась богаче, чем то, что построил Гильберт» и что после доказанных в 1931 г. теорем Гёделя о неполноте «не появилось ни одной формализованной системы, которая покрывала бы собой какую-то конкретную предметную область» (С. 145), вскоре А. Тарскому удалось доказать полноту формализованной геометрии. Геометрия не содержит арифметику, вследствие чего выводы теоремы Гёделя на нее не распространяются.

Сегодня и классическая философия, и философия науки находятся в непрестом положении, поскольку и первая, и вторая, будучи изначально ориентированы на объяснение способов получения истинного знания, не предложили общепринятого решения. Последнего не получилось хотя бы потому, что философия науки не сочла приемлемым решение проблемы истины, предложенное классической философией, одновременно не предложив ничего взамен (вспомним фейерабендовское «anything goes!»). Книга С.Н. Мареева дает возможность возобновить диалог между двумя направлениями философской мысли. Преимущество классической философии в этом диалоге будет «лишь» в том, что отвечать ее оппоненту придется теперь не только на вопросы, на которые он раньше только и хотел отвечать из-за абсолютизации современной ему личной формы математического естествознания, но и на вопросы, которые он — преждевременно — посчитал устаревшими.